

Творческий портрет

талантливо выведен образ талантливого рабочего, и досталась эта роль в нашем театре Э. Мосину. Это бригадир Потапов в спектакле «Протокол одного заседания» по пьесе А. Гельмана.

Его поздравляли, шутили: «Радуйся! В кинофильме его сыграл Леонов, во МХАТе — Ефремов, у нас — ты».

А он испугался. Впервые за все годы работы его фамилия в приказе распределения ролей стояла первой...

Бригадира Потапова Мосин играет так. Еле сдерживая волнение, он неловко вваливается в партком стройтреста № 101. Чуть припоздал — отсюда легкое смущение. Не знает, куда деть руки, они сейчас кажутся особенно большими и тяжелыми. Пытается шутить и даже взглянуть лукаво: «У нас в бригаде на днях научно-техническая революция произошла». Но не выдерживает: главное, с чем пришел, рвется наружу, слишком он уж простой и бесхитростный.

Рассказывая, пытливо вглядывается в лица членов парткома, хочет почувствовать настроение каждого. Как же пойдет разговор дальше? Удается ли убедить (а он пришел не поучать, не «открывать» им глаза, только убеждать)?

Потапов говорит много, доказательно. Ну и что? Почти все, сидящие здесь, тоже могли бы привести немало подобных фактов. Стоит ли делать далеко идущие выводы?

Стоит. Пожалуй, не только факты, сколько голос Потапова заставляет прислушаться к тому, что он говорит. В голосе глубоко запрятанная боль, стремление пробиться к лучшему, что заложено в людях. Потапов невольно обращается чаще к крановщице Мотрошиловой. Кажется, в ней первой он уловил сочувствие, теперь его рассказ как будто для нее.

Он внутренне уверен в своей правоте. Но он прекрасно понимает, что все сидящие перед ним тоже уверены в своей правоте. А потому он иногда ощущает глухое бессилие, теряется, sinkает. Но снова сжимает в кулак остатки воли, потому что отступать нельзя, потому что к такому шагу он готовил себя, может быть, всю свою жизнь...

Сегодня артист научился быть органичным. Этого мало. Сегодня нужно быть страстным, делиться сокровенным, исповедаться.

Я не считаю себя на сегодняшний день таким артистом, еще надо оттачивать и оттачивать мастерство. Я даже думаю, что мастерства пока мало, а есть труд, труд и огромная нервно-эмоциональная затрата...

Затрата во всем. Идет ли он выступать в школу или техникум, проводит ли он собственную репетицию...

Сколько их было за те десять лет, что руководит он народным театром Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта?

Десять лет — срок, каким и в профессиональном театре не каждый режиссер может похвастаться.

Но дело не в количестве, дело в той атмосфере, которая возникает каждый раз на репетициях Эдуарда Мосина. В теплой, дружеской, притом, необыкновенно рабочей. Здесь происходит исследование пьесы, образов, каждой фразы. Это режиссерский метод Мосина — разобраться, что стоит за фразой, почему герой сказал так, а не иначе. Начинается увлекательнейшая работа.

Что мне дают занятия режиссурой? Во-первых, это тренинг. А во-вторых, здесь есть элемент, когда я могу говорить не только от лица героя, но излагать определенную позицию к какому-то явлению в жизни, к жизненной проблеме.

Я не всегда имел возможность высказаться с большой трибуны, поэтому в народном театре я компенсировал эту потребность, ставя спектакли, которые, как мне казалось, помогают воспитывать не только драматургический коллектив, но и молодых зрителей — студентов.

Кроме того, в нашем народном занимаются очень интересные люди, и я вижу: театр для них — не досуг, а необходимость. Общение с ними — с преподавателями, студентами — заставляет находиться в постоянном творческом поиске.

Только за последние три года в театре института были поставлены очень сложные пьесы, такие, как «Изобретательные влюбленные» Лопе де Вега, «Вечно живые» Розова, «Беспокойная старость» Рахманова.

«Беспокойная старость» — ознание ученых революции. Как-то мы с сыном шли, и я говорю: «Понимаешь, революция — это не только борьба за власть, это не только ломка государственной машины, — это ломка каких-то личных убеждений человека. И это надо исследовать».

А совсем недавно он сообщил: «Нам присудили Диплом 1-й степени за спектакль».

Разве можно не порадоваться?

Л. ЛАЗАРЕНКО.

На снимке: Э. Мосин в роли Потапова в спектакле «Протокол одного заседания». Фото Н. Твердохлебовой.

КОГДА АКТЕР СЧАСТЛИВ

Театр вошел в мою жизнь с детства. Однажды я посмотрел сцены из какого-то спектакля (это было красочное зрелище, а мне — всего семь лет), и, придя домой, сказал маме: «Я пойду в артисты».

С этого времени у меня другой мечты не было. Этой мечтой я жил, с этой мечтой живу и по сей день, раз я на профессиональной сцене уже 15 лет. Розов как-то сказал, что люди в театр идут за витамином счастья. Нашел свой витамин счастья и я.

ЭДУАРД Мосин пришел в Хабаровский краевой театр драмы 15 лет назад. Он не был баловнем судьбы, о нем не заговорили сразу: «Мосин? Тот самый, что сыграл?..». И поэтому его вхождение в труппу прошло почти незамеченным.

Этот факт мог повергнуть в уныние кого угодно; человек не самокритичный стал бы, скорее всего, сетовать на судьбу, обстоятельства, театр, режиссеров, он кинулся бы искать «свой» театр. Ничего подобного с Мосиным не случилось. Говоря словами Станиславского, он любил искусство в себе, а не себя в искусстве.

Он учился и ждал своего времени. Во Владивостокском театральном училище у него были прекрасные учителя — народные артисты РСФСР Григорий Иванович Антоенков и Вениамин Семенович Вениаминов. Первый вкладывал в студентов актерское мастерство, второй — хорошее понимание театра и режиссуры в нем.

Григорий Иванович как-то сказал мне (он вообще был провидец в отношении меня): «Ты учи — ты сейчас придешь в театр, ты ничего делать не будешь, ты начнешь играть в 35—40 лет». Я подумал: что говорит Григорий Иванович? Как это я, молодой человек, ничего не буду делать.

Действительно, я играл небольшие эпизоды. Мне говорили, ты спектакль не портишь... И это было, наверное, самое главное, что я не выбивался из ансамбля исполнителей и помогал ведущим артистам, таким, как Елена Николаевна Паевская, Валерий Александрович Шаврин, Храбров Михаил Сергеевич... И учился у них.

Можно сказать, что время артиста Мосина (есть еще Мосин-режиссер, и об этом разговор будет ниже) началось с 1973 года. Безусловно, и раньше были у него удачные роли, но этот год стал переломным в его творческой судьбе.

Пожалуй, все-таки первой его значительной работой в ряду удач стала роль директора Дворца культуры Ивана Васильевича Серпухина в спектакле «Поговорим о странностях любви» (режиссер И. Борисов).

Эдуард Мосин играет драму счастливого человека. Вот жил человек просто, ясно, ладно. Уважал жену, заботился о ней, помогал. Хорошо работал. Все текло своим чередом, привычно и... однообразно.

Но вдруг, словно гром среди ясного неба, появление Надежды Миловановой! О ней уже и говорить перестали в доме друзей — отболело. А если и вспоминали, то с горечью: как там наша Надя, бедная да непутевая...

И не бедная, и не непутевая — это сразу понял Серпухин. Славная, веселая. Талантливая (вон как под ее влиянием Татьяна преобразилась, Серафима сбросила суровость). И... неприиспособленная к жизни. То есть, делать-то она все умеет, не жалует-

ся ни на что, но к сорока годам ни угла, ни кола...

Так она тронула душу Серпухина, что почувствовал он ответственность за ее судьбу. Слово лучом солнца осветилось его существование, появилась цель жизни. Его не узнать, он расцвел и внутренне, и внешне, глядя на него, изумляются: «Ай да Иван Васильевич! Уж не влюблен ли?»

Влюблен. Он не скрывает. А когда убеждается, что чувство его безответно, то делает вид, что несколько иронично относится к своим ухаживаниям, начинает играть роль эдакого добродушного опекуна.

Но глаза, грустные глаза, выдают его! И чуть прорываемая нотка отчаяния в голосе. От сознания своего бесилия, от сознания, что не ему дано окружить милую женщину теплом, заботой, укрывать от всяческих невзгод. Он держится мужественно, но от этого только острее ощущаешь, как ему нелегко, не просто.

Алла Константиновна Тарасова как-то сказала великую фразу: «Я вас, зрители, очень люблю. Потому что, выходя каждый вечер на сцену, я отдаю вам частицу своего сердца...».

И вот эту частицу сердца я также пытаюсь сегодня отдать зрителю, потому что, разговаривая с ним со сцены, нельзя просто говорить текст, нужно поделиться своей болью, своей «темой» в жизни.

Я хочу поделиться теми нравственными проблемами, которые меня волнуют как гражданина прежде всего...

В «Ковалевой» из провинции» (режиссер И. Борисов) Эдуард Мосин создает убедительный образ адвоката Скорняка. Умный, тонкий, интеллигентный, опять же ироничный, ибо ирония учит людей знать, что они ничего или очень мало знают, а потому надо учиться всю жизнь, только тогда ты имеешь право учить.

Он блестяще выступает на судебном процессе, он задает точные вопросы и ждет точных ответов, потому что ни в чем не принимает распыленности, если дело касается судеб людей.

Он собран, его движения решительны и быстры (ничего не осталось от медлительного Серпухина), словно он вот-вот ринется в бой. Да, пожалуй, судебный процесс для него есть бой за справедливость.

А ведь несколько минут назад, в приемной секретарши Люсенки, он был совершенно иным. Балагурил, острел, вполне мог сойти за человека несерьезного... Тем неожиданней и интересней его поведение в суде.

Все чаще о работах Мосина стали говорить убедительно. Это серьезная оценка, ее заработать особенно трудно, когда играешь роли современников. Всегда есть с кем сравнить: с соседями, с коллегами, с знакомыми, близкими и далекими, с прохожими на улице...

И если раньше Мосин играл какой-либо персонаж, умудрялся одномеренно как бы смотреть на себя со стороны, то сейчас он полностью растворяется в роли, отдаваясь ей увлеченно и без остатка. Это особенно ярко проявилось в таких спектаклях, как «Энергичные люди» (Курносый), «Уходя, оглянись» (Игорь Васильевич), «Жужа из Будапешта» (Будкин).

ЕСТЬ в его творческой судьбе роль, которую хочется назвать главной. И не потому, что она главная, а потому, что в драматургии был